

Рустам МАВЛИХАНОВ

ПОБЕГ ИЗ

Ну где тебя носят?! Сколько можно!

Перезвонить?.. С другой стороны, выслушивать эти бесконечные... К чёрту, погожду ещё!

Холодный сырой ветер подвывал над рекой, размазывая переливы баннеров, и от того всегда яркие зелёные, красные, фиолетовые всполохи, заливавшие мертвящим светом округу, казались чуть мягче, почти естественными. Зима в этом году выдалась хоть и ранняя, но всё такая же слякотная, река толком не замёрзла, лишь под главный праздник января городские службы наморозили ледяную площадку, да дворы побогаче закупили снег-рафинад для сугробов... *Интересно, когда я последний раз видел снеговика?.. Не, лучше об этом не вспоминать — лучше дозвониться.*

«Вызов экстренный?» — спросил поставленный женский голос.

— Нет.

«Здравствуйте! Вас приветствует компания «Мобильные коммуникации»! Спасибо, что пользуетесь нашей связью! Мы поздравляем вас с наступающим праздником и с днём рождения вашей сестры (*у моей сестры день рожденья через полгода, идиоты!*) и желаем вам дальнейших успехов в материальной и духовной жизни (*угу, сэнк ю!*)! Просим вас прослушать небольшой блок рекламы. Для включения услуги «Отказ от блока» наберите *537-вызов, стоимость два-восемьдесят три (*да давайте быстрей!*). Спасибо за внимание!..

Не можете покорить сердце возлюбленной? Временные неурядицы в семье? Покорите сердце своей машины! Аккумуляторы Vausche — лучший подарок для любимого авто! Лицензия №...

Оглянись! Твои родители оставили тебе великую страну! Что Ты сделал для того, чтобы обеспечить им достойную старость?! Внеси добровольные пожертвования в Пенсионный фонд!.. (*Да быстрее же!*)

Граждане! В связи с участившейся угрозой терактов...»

Наконец, долгожданные гудки. А ведь когда-то они — «извините, абонент не отвечает» — казались вечными... Эти милые, скромные, неназойливые гудки в ушах. Никогда б не подумал, что буду им рад...

— Алло? — звонкий голос оживил мир вокруг, расхмутив мои брови.

— Ты где?

— Я тебя уже вижу!

Обернулся. Её, вся в черном, фигурка бежала по припорошенной снегом аллее между тянущих ветви к небу лип, отбрасывающих тени в жёлтом свете поскрипывающих на ветру бронзовых фонарей, и словно с нею — вокруг неё — катилась по берегу сама радость, словно к ней — учуяв тепло и живой свет — устремлялись по деревьям соки; и, приветствуя её, с неба густыми хлопьями повалил снег, согревая вымерзшую землю.

— Привет! — хрустально зазвенели снежинки.

— Здравствуй. Всё хорошо?

— Да, — взлетели ресницы над сияющими глазами. — Ты не замёрз, Солнце?

— Совсем нет, — улыбнулся. — Ну что, пойдём отдавать долги?

— Родине? Пойдём, — грустно вздохнула. — Может, потом к Лёке заглянем?

— Заглянем... Она рожать не передумала?

— Нет.

— И не боится же...

— Детей? — её рука крепче сжала мою.

— Нет. Их защитников.

Придавливая ушедший не в ту степь разговор, в просвете снегопада проплыла на север тяжелая серая туча. Крутой спуск к купели по громыхающей лестнице с поцелуем посередине («Я люблю тебя, прости» — «Я люблю тебя»). Палатки спасателей.

«Здоровая нация — залог будущего!» — гаркнул в ухо среагировавший на движение рекламный щит с улыбающейся семьей (он, она, ребёнок, их прически, цвет глаз, чашки на столе и счастье на лицах идеально соответствовали отделке гостиной) у вхо-

да в домик с красным крестом и полумесяцем.

— Добрый вечер, — дежурно улыбнулась фельдшер за столом. — Присаживайтесь. Вы за справкой для купания?

— Не совсем. Знаете, тут такое дело... — улыбка оплавилась, взгляд стал внимательней, — у девушки бронхит, хронический, она не может... как это называется, причаститься? А на работе с них требуют... ну, вы сами понимаете, корпоративная этика и всё такое.

— Да, пониманию. Обратитесь в поликлинику!

— Работаем много... Времени не хватает. Вы не думайте, диагноз настоящий, в мед-карте всё есть! — поспешил я заверить, заметив искру сомнения в её глазах.

Если сейчас упрётся, пригрожу прокуратурой.

Будто уловив мой настрой сменить комическую роль просителя на драматическое амплу требовательного члена гражданского общества, медсестра откинула рыжую прядь с виска:

— И чем я могу вам помочь?

— Справочку выпишите, пожалуйста. Хорошо бы о том, что девушка приняла участие в обряде, но, так понимаю, это невозможно, так что освобождение. Будьте добры! — добавил я, собрав по сусекам весь не растроченный за годы магнетизм.

— Да, конечно. Ваши биометрики, пожалуйста!

Протянул свою. Солнце замешкалась, копясь в сумочке. «Когда же изобретут какого-нибудь логистического клатч-хобо-робота, чтобы сам всё укладывал по кармашкам как надо. Или это единственная константа в нашем мире?» — улыбнулся я своей мысли. Она, неправильно истолковав мой взгляд, смутилась, выудила, наконец, свой паспорт, положила на стол, ввела пароль.

Пальцы медсестры запорхали над клавиатурой:

— Вы, такой-то, 19... года рождения, верно?

— Да.

— Проживаете по месту прописки?

— Разумеется!

— Все свидетельства и лицензии в норме, счета оплачены, непогашенных долгов нет?

— Там же всё указано.

— Простите, таков порядок. У меня тоже есть начальство. Ваша конфессиональная принадлежность?

— Ортодоксальная, мусульманская, суннитская.

— У вас? — обращаясь к моей спутнице.

— Христианка, — впервые за всё время вымолвила Мари. Спыхватившись, быстро поправилась: — Право... то есть ортодоксальная, христианская, простите, — в её глазах мелькнула тень испуга.

— Вы пока сходите, госпошлину внесите, терминал за углом, слева. Метрику не забудьте! — фельдшер вернула её с порога, протянула паспорт и риторически добавила: — Вы чем платить-то собрались?

Мари, не ответив, выскользнула за дверь. В клубах выдыхаемого пара повисло молчание, лишь из-за стены доносилась песенка про кота — для ободрения моржей, видимо.

— Вам здесь не холодно? — вежливо поинтересовался я, чтоб заполнить паузу.

— Нет!

Господи, да не будь ты как банковский бот! Здесь же нет камер.

Дабы ещё раз убедиться в этом, я провел взглядом по пластику стен, увешанному мельтешащими плакатами: «В здоровом теле — здоровый дух», «Наша цель — олимпийский реванш!», «Здоровая сильная Родина — это наша национальная идея!», «Акватекс — новейшее средство от первичного антигенного греха! Акватекс — скажем СТОП эпидемии гриппа!»

И под ними: «Курение — это предательство Родины!» — грозил с плаката жирный дядя с седой бородкой и эмблемой СБНТ на плече; «Сообщайте о террористической угрозе» — сухо взывала бюджетная наклейка МВД; «Смоём потом позор Мадридской олимпиады!» — обещали идеальные лица молодых ребят и девчонок, исполненные решимости отныне и впредь завоевывать все золото на всех чемпионатах. И им верилось.

«Да уж, психологи свою работу знают!» — я оторвал взгляд, но на сетчатке ещё какое-то время горели их глаза, чеканящие ритм моему сердцу: «Здоровье. Родина. Успех. Здоровье. Родина. Победа».

Интерактивка снова рявкнула у входа о залоге будущего, в палатку, впусив порцию свежего воздуха, вошла Мари.

— Вот, — вручила она квитанцию об оплате.

— Угу. Всё в порядке. Добровольные пожертвования в Пенсионный фонд внести

не желаете? — вскинула взгляд медсестра.

— Нет.

— В Фонд олимпиады?

— Нет, спасибо, — настойчиво ответил я, холодно приопустив веки.

— Ваша справка. Ещё нужно отправить копию в минрелигий.

— Сколько?!

— Нисколько, конечно! — удивленно-возмущенно протянула девушка за столом.

Я достал старомодный бумажник — не кожа, нет, но казахи умеют делать так, что от натуральной и не отличишь...

— Если вы пытаетесь вручить мне взятку, я немедленно вызову охрану! — её рука потянулась к кнопке блокировки. — К тому же я не пользуюсь бумажными деньгами...

— Во-первых, это не деньги, а билеты. В виртуалку. Как-нибудь вечером устройтесь на диване и «сходите в кино». А во-вторых — это всего лишь скромный презент в честь великого праздника. Так что вы не можете отказаться! — улыбнулся я половиной лица.

— Но вы не...

— Я сменил религию год назад. Так вы хотите надеть свое лучшее платье? Или предпочтёте нарушить моё конституционное право на исполнение религиозных обязанностей, отвергнув моё пожертвование?

— Спасибо, — задумчиво протянула она, принимая подарок. — Я ни разу не была в кино... — и, спохватившись, добавила: — Не беспокойтесь, все необходимые уведомления я разошлю!

Когда мы уходили, её зелёные глаза улыбались чему-то далёкому. Не дежурной улыбкой.

— Почему ты сменил веру?

Мы сидели на лавочке в тени лип, глядя на длинную очередь выстроившихся по набережной машин, среди которых попадались и роскошные китайские «Геленды». Редкие звёзды мерцали в вышине, заглядывая из вечности в нашу суету.

— Не веру, солнышко, не веру. По медицинским показаниям. Доктор запретил мне есть желток и прописал диетическую баранину. Холецистит и гастрит — наследие бурной молодости, — рассмеялся я.

— Ты не рассказывал, — она положила руку мне на локоть. — Наверное, курить сильно хочется?

— Хочется. Но не попадать на принудительное лечение хочется больше.

Я достал зажигалку. Теплый огонёк заиграл в руке, отражаясь на её покрасневшей на морозце щеке, прикрытой волнистым ниспадающим локоном.

— Как будто костёр...

— Ага... Как будто свечка, — она прижалась к плечу. — А я год назад хотела тебе серебряное яйцо подарить.

— Это что за?

— Ну такое яйцо, освящённое. Берешь его, и все продукты, к которым им прикасаешься, становятся освящёнными.

Порыв ветра задул пламя.

— Ты не замерзла?

— Ты меня простишь?

— За что?

— Я когда ходила, — она взглянула робко, исподлобья, — я ещё Лёке перекинула денег. У неё социалка по воде кончилась, ей вчера отрезали. Теперь не смогу тебе ничего подарить.

— Ну и ладно. Ты всё правильно сделала.

— Правда?

— Правда. Ты у меня самый добрый, — поцеловал глазик, — самый любимый, — другой, — самый милый цветочек, — её улыбка заиграла солнечными зайчиками. — Хочешь, поедем к ней?

— Не стоит. Не хочу, чтоб ей было неудобно.

— Тогда ко мне? Заедем к дежурному имаму, если опять соседей боишься.

— Тогда я не смогу от тебя уехать.

Я приподнял бровь.

— Прописка... — ответила она.

— А, чёрт! — я достал из кармана сигарету.

— Ты же бросил?

— Это обманка. Курить нельзя, но ломать можно. Успокаивает.

— Давай я подарю тебе чётки.

— Христианские? Мусульманские? — рассмеялся я.

— Универсальные, магнитные. Сколько нужно, столько оставишь, — обиделась она.

— Извини. Слушай, ну почему тебе не выписаться и не переехать спокойно ко мне?

— Ты же знаешь...

Я взял её руку в чёрной обтягивающей перчатке в свою, поднёс к губам, согревая дыханием пальцы — ласковые глаза смотрели из-под фиолетовой шапочки, и слёзы готовы были сорваться вниз...

— Милая... Поехали в горы.

— В горы?

— В горы. Ты когда последний раз видела солнце? А там оно такое, что снег искрится и спит — настоящий, не этот рафинад! И ещё там играют в снежки, строят городки, и никто никого за это не привлекает — никому нет дела до твоего здоровья. А ещё там ели. Могучие, высокие ели. Тайга... Или на юг! Точно, на самые синие волны! Хочешь на море, солнышко?

— Хочу. Но не могу. Паспорт...

— Что с ним? Он же в порядке!

— У него федеральные опции отключены, только региональные остались. Так что я теперь «невыездная». Не хотела об этом говорить. Прости.

Слезка всё-таки скатилась по щеке, тяжелой гирей согнув её хрупкие плечи. Федеральная опция... Это значит, что за 150 км отсюда её паспорт превратится в нечитаемый без машины кусок пластика (на нём даже имени её не выбито), а она — в потенциальную террористку, «30 суток до выяснения»?! Это значит, что, когда следом отключится регионалка, то её первый налоговый — да что там, первая продавщица! — сможет задержать как нелегалку?! Что же делать? Продать квартиру, выкупить полный пакет опций или даже VIP-метрику? Тогда сам стану нелегалом. А если так... нет, ерунда получится. Приплыли. Цугцванг.

Обнял её:

— Всё будет хорошо, малышка!

— Правда? — несмело улыбнулась она.

— Правда.

Ни черта не правда! Тысячу раз не правда! Я не знаю, что придумать! Ладно, я хоть что-то видел, но тебе-то за что эта серость, выкрашенная голограммами?! На Небе, чёрт, только и разговоров, что о море, о том, как огненный шар, прегательски не взорвавшийся в декабре Двенадцатого... Стоп! Ты не должен думать о прошлом! Ты устремлен в будущее, к успеху! Да чёрта с два! На каком долбанном тренинге мне это внушили?! Я имею право думать, о чём захочу, имею право помнить, что захочу, вы не умеете ещё, слава богу, читать мысли, и миелофона у вас нет!!!

Так! Миелофон... Гостя из будущего... 1984... скотный двор. Не туга! Прошлое... не прошлое... дурак! Выход всё время лежал у твоего сердца!

Я достал коробочку из нагрудного кармана:

— Извини, сразу забыл, задумался. Это тебе!

— Серёжки?! Зачем? А что за камни?

— Не помню. Что-то из Бангалора. При их добыче ни одна гора не пострадала, — пошутил я в своём духе.

— Такие ажурные... Спасибо! — она чмокнула в щёку.

— Надень их. Сейчас. Мне нужно позвонить, — я отошёл в сторону.

«Звонок экстренный?» — «*537-вызов».

— Здорово, Лёш! Как жисть?.. У меня тоже потихоньку. Как Юлька?.. О! Мои поздравления! Слушай, помнишь тот наш разговор?.. Да... Да, уверен... Надо, Лёх, надо!.. Да, почка. Только больше надо... Много. На полный пакет и чтоб ещё осталось... ага, на пенсию... Костный мозг?.. Хорошо... Что ещё, роговицу?.. Шайсе! Бери всё, что нужно. Сделай мне лет 20 в вирте и чтобы я ещё сколько-то в реале продержался. Что говоришь?.. Китайские органы? Из свиной которые?.. А, такие!.. Сгодятся... Да, достал, в кристаллах... На ней... Скоро будем!

Я зло рассмеялся в ночной полумрак. *Да, у вас хватка стальная — не продохнуть. Да, мы песчинки в вашем мире. Но сколько бы вы ни плевали, пытаясь смочить его, — песок всегда утечёт сквозь пальцы.*

— Поехали!

— Куда?

— Не «куда». Отсюда.

Уже в такси, на Проспекте, проезжая под сверкающими указателями офисов и штаб-квартир и растяжками с социальной рекламой — «Эл Джи», «Олимпиада», «Рой-ял Спаниш траст», «Мульти-Нэшнл Юнайтед», — нелепыми в своей русификации (*du-*

ralexsedlex), но от этого не менее эффективными, она прильнула ко мне.

— Спасибо, милый... Ты о чём задумался?

— Да так, засмотрелся, — соврал я.

— Что-то у меня голова закружилась. И в ушах звон такой интересный.

— Интоксикация спамом?! — забеспокоился я.

— Да нет, — улыбнулась Мари. — От поцелуя, наверное. Куда мы всё-таки едем?

— К Лёшке заедем, к хирургу, поздравим. Помнишь его?

— Да, — она сжала мою ладонь. — Всё будет хорошо, пока мы вместе!

— Конечно!

Конечно, будет. Если боты не уловили ничего криминального в разговоре и если все силовики по нашему спасительному разгильдяйству празднуют, если это чудо индийских программистов не даст сбой и правильно что-то там сделает с мозговыми ритмами (извини, дорогая, но это не алмазы и даже не камни), если Лёха удачно меня раскромсает и если новые органы приживутся... ты был не прав, Андрей, — мы еще не страна третьего мира: видишь, я продаю свои старые тела подороже, чтобы купить дешёвые ткани бразильских мулаток... А что купили они? Распотрошённых кубинков, которых некому защитить после Кастро? Интересно, а этих актрис из Рио афродизиаками сильно накачивали? — а то смешно будет: седина в бороду, бес в ребро... или какой там орган попадётся...

Такси остановилось у залитой молочно-голубым светом площадки перед медцентром, где нас сразу взяли в оборот перехватывающие взгляд поп-дивы с баннеров («Новинка! 3D татуировки!»; «Стволовые клетки — Ваша вторая молодость!»). Стараясь не смотреть на них — и так подкорка загажена — мы вбежали в здание... и она упала в обморок. А через полчаса настала очередь отключиться и мне.

Мы вышли из здания аэропорта. Нет, как бы ни презирали нашу погоню за длинным рублём, но всё же приятно подарить жене на Новый год украшение с нашими, якутскими, алмазами! Её сережки выгодно — на зависть другим — блистали в пластмассовой и слоново-золотой бижутерии от Бурда-моден-84, её каштановые волосы вплетались в запахи сосен и секвой Ботанического сада и в волны ялтинских курортов. То было наше счастливое лето: цветущие липы старого города волнами укачивали наши прогулки, в которых — в летнем зное — падали не звёзды, а поделки сарматов из краеведческого и куски яшмы из минералогического, и всплесками благих примет говорили о том, что всё у нас впереди — свой дом, тропинки далёких планет, журавли в руках и синицы в небе.

То лето, и пару следующих подряд, мы провели на крымских берегах, с легкой грустью вспоминая о тугом васильково-полынном воздухе, накрывающем твою судьбу на крутых пустынных улочках — в почти беззаботном счастье её синего ситцевого платья и робких коленок. Лишь позже, после апреля 86-го, гуляя меж киевских магнолий и каштанов на Андреевском спуске и у Владимира-на-горке, кинувшего закатную тень на готовую рухнуть державу, я почувствовал ноющую, жестокую боль в спине и глазах. И ещё — иногда, очень иногда — она вспоминала о жгучем, непонятном желании того, чего нет в природе — или хотя бы в Советском Союзе, — и тогда я утешал её подсознательный голод, сочиняя фантастические повести о разумном полудне XXII века и о нашем — с нею — прекрасном будущем.

Годы шли, и всё чаще на рифах быта всплывали — проскальзывали — неведомые и непонятные фразы: «Ваш билет в будущее», «Время стирает города и цивилизации», — и всё большего не хватало для нашего беззаботного счастья, и, как будто в едином ритме с нами, рушились империи и свет в глазах, и всё сильнее — гневом — болели спина и правое подреберье, возвещая пару революций и дворцовых переворотов.

А потом, после Второй узбекской, Лёха, который когда-то вытащил меня из-под обстрела духов на Ангрене, сказал мне: «Есть фишка». «Что там?» — равнодушно, за кружкой пива в «Жигулевский Паб», поинтересовался я. «Выход, — был его ответ. — Выход, из которого нас никто не вернёт назад. «Забить всё» называется. Идеальная условная реальность из Зеленограда — лебединая песнь нашей микроэлектроники».

Заходящее солнце погружалось в волны океана, скрывая почерневшие пальцы выжженных городов и укрытые зеленью плюща руины, лаская прощальным светом мои узкие зрачки. Я любовался отражением Мари, купающейся в волнах фиолетового заката; на её кремовой — человеческой — коже красные водоросли выводили надпись: «The End».